

Владимир Викторович Колесов
«Жизнь происходит от слова...»
Серия «Язык и время», книга 2

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10740665
«Жизнь происходит от слова...»: Златоуст; СПб.; 2015
ISBN 978-5-86547-896-6

Аннотация

В четырех разделах книги (Язык – Ментальность – Культура – Ситуация) автор делится своими впечатлениями о нынешнем состоянии всех трех составляющих цивилизационного пространства, в границах которого протекает жизнь россиянина. На многих примерах показано направление в развитии литературного языка, традиционной русской духовности и русской культуры, которые пока еще не поддаются воздействию со стороны чужеродных влияний, несмотря на горячее желание многих разрушить и обесценить их. Книга предназначена для широкого круга читателей, которых волнует судьба родного слова.

Содержание

От автора	5
Язык	6
Тезисы о русском языке	6
Функция и норма в литературном языке	12
Социолингвистические аспекты изменения современного русского языка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Викторович Колесов

«Жизнь происходит от слова...»

© Колесов В. В., 1999

© ООО Центр “Златоуст”, 1999

© Дроздецкий Е. С., оформление серии, 1999

От автора

Две важные категории обозначены в названии серии, которая выходит по ценной и своевременной настойчивости издательства «Златоуст»: *язык и время*. Именно Златоусту пристало говорить о них своим современникам, и очень лестно участвовать в этом добром деле.

Язык и время – ответственное сочетание; лингвист сказал бы *язык во времени* – философ говорил бы о *времени языка*.

Человечество в своем развитии долго было озабочено материальным интересом, и время для него стало средством накопления известной суммы «добра» – вещей. Так возникла цивилизация. Затем, озаботясь проблемой истинности, человечество много размышляло над тем, что оно в конце концов сотворяло, и это стало способом собирания мыслей. Так создавалась культура. Сегодня мы увидели, что кроме вещей и идей есть еще и слово, язык, в который вмещается всё: и идеи, и вещи. Наступило *время языка* – в философии, в культуре, в ментальности.

А *язык во времени* был всегда, язык развивался в основных своих качествах и категориях. Это, конечно, не значит, что язык либо «портился», либо, наоборот, «совершенствовался». Собирая под одним переплетом свои статьи и доклады «времени перестройки», я думал поделиться с читателем мыслями по затронутой теме, что очень важно сделать именно в наше время, трудно даже сказать, какое: *время язычества* или *языческое безвременье*.

Конечно, работы эти, написанные в разное время и по различным поводам, стилистически пестры, в них есть повторения, которые, впрочем, оставлены намеренно, чтобы постоянно возвращать читателя к наиболее важным моментам рассуждения. Многие термины и понятия не раскрыты и, вероятно, не до конца обоснованы. И обоснования, и факты в изобилии представлены в других моих книгах. Здесь же я хотел обсудить ключевые проблемы: какие ошибки мы совершили и в нашем филологическом деле, и в научном сообществе вообще? Как быть дальше? От чего отказаться и что сохранить в дальнейшем развитии науки, образования и культуры?

Если читатель не согласится с объяснениями и предложениями, он даст свои. А собравшись все вместе, мы легче одолеем беду. Ведь *по беде*, согласно русской ментальности, всегда приходит *победа*.

Язык

Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название еще драгоценнее самой вещи.

Николай Гоголь

Тезисы о русском языке

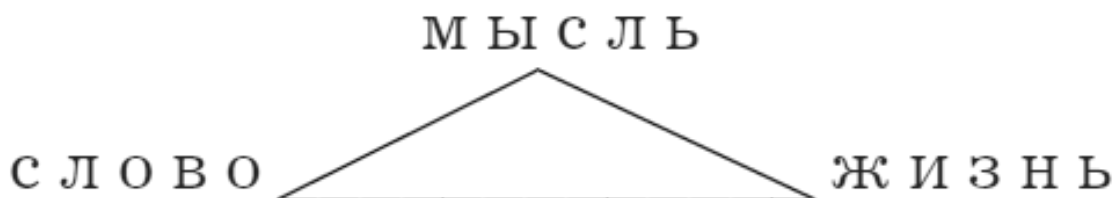
Представление о языке как некой духовной сущности в триипостасном проявлении системы, функции и стиля сложилось, по-видимому, окончательно, и в наши дни все больше говорят о доминантах, константах, концептах как мыслимых категориях именно языка – не речи и не речевой деятельности. Видимо, по этой причине и философия вплотную занялась проблемами языка, в то время как профессиональная лингвистика распадается на социолингвистику, которую интересует функция языка в обществе, на психолингвистику или стилистику с их интересом к стилю и стилям, на философию языка и т. д. Осмыслить это объективное движение к специализации лингвистического знания по предмету (формально явленному) при одновременном обобщении его по объекту (содержательной сущности) – наша задача сегодня. Не определив конечной цели такого развития событий, мы не сможем творчески влиять на качество и интенсивность работ лингвистического цикла.

Естественно, что и русский язык проходит тот же путь развития. Я надеюсь показать на многих примерах, толкуя их всесторонне, что взятое в качестве названия книги изречение Михаила Пришвина точно отражает суть переживаемых событий, особенно если его дополнить известным суждением Александра Потебни: «Мысль направлена словом».

Жизнь происходит от слова – мысль направлена словом.

Афоризм философа часто выражает суть дела полнее, чем десяток диссертаций, поскольку не на поверхностно понятийном, а на глубинно символическом уровне выражает сущностный смысл преобразований.

Если свести в силлогизм два суждения, несколько не подменяя выраженных в них понятий, даже на уровне словесных знаков, использованных самими авторами, мы получим известное соотношение «семантического треугольника», к схеме которого не однажды вернемся:

Рассуждая далее, отметим исходную точку суждений, *исходящих из слова*, но направленных либо на идею-мысль (мысль направлена словом), либо на жизнь-предметность (жизнь происходит от слова).

Философской основой такой точки зрения (мы увидим это и далее) является *реализм* – чисто платонистское убеждение в том, что идея и вещь равноценны, в идеале должны соответствовать друг другу, причем *идея столь же реальна, сколь и вещь*. С XV века таково

направление русской мысли, и это сказалось на многих существенных преобразованиях русской культуры, духовности и языка.

Задача в том, чтобы показать, какое именно «слово» имеется в виду; понятно, это не банальный словесный знак пустошного разговора, а Слово-Логос. То самое Слово, которое было «искони» – как бы ни понималось значение наречия в данном контексте.

Следующее утверждение может огорчить любителей «современного русского литературного языка» как единственного вообще русского языка. Синхроническая точка зрения на язык давно себя дискредитировала. Невозможно понять, как можно защищать эту точку зрения и одновременно восхищаться, например, трудами Михаила Бахтина с его теорией «большого времени» – в границах которого только и способна проявиться сущность такой важной категории, как я з ы к.

В каждой развитой и богатой культурной среде существуют в неслиянном единстве как бы сразу «три языка». В отношении русского это:

- русский язык как система – категория этническая, следовательно, представленная психологически;
- русский литературный язык как норма – категория социальная, представленная логически;
- язык русской литературы как стиль – категория культурная по преимуществу, а потому оправданно эстетическая.

Каждому из проявлений языка свойственна предпочтительная ориентация на разные содержательные формы словесного знака, поскольку выражаемые и отражаемые ими культурные ценности различаются. Язык литературы, особенно художественной, ориентирован на образное значение, и в его распоряжении оказывается многозначность слова (полисемия). Литературный язык работает в режиме понятийных (идентифицирующих) значений, и тот же словесный знак оборачивается здесь гиперонимичностью, т. е. ориентацией на родовые значения слов. Русский язык в коренном его смысле содержит в своем запасе не индивидуально образные и не логически понятийные значения, а значения символические, и в таком предпочтении полисемия и гипероним оборачиваются семантической синкретой. Можно по-разному интерпретировать гиперонимию, синкретизм или полисемию, однако всегда это будет точка зрения, своим существованием обязанная определенному предпочтению той или иной ипостаси я з ы к а как категории национальной культуры. Объективно полисемия, гиперонимия и синкретизм – это одно и то же проявление словесного знака, поставленного в определенные условия действия.

Для читателя, который забыл значения приведенных терминов, можно привести такой пример.

Слово «любовь» содержит в себе одновременно и синкретизм символа (со взаимными заменами разных значений слова в зависимости от контекста), и многозначность образа (четыре основные значения славянского слова), и точность родового понятийного значения, которое постоянно изменяется в зависимости от культурных переживаний использующего его народа. Прежде это было проявлением светлого чувства (поскольку и «Бог есть любовь»), а сегодня нас стараются убедить в том, что любовь – это просто секс. Каждое поколение истолковывает культурный символ в понятиях – то есть понимает его так, а не иначе.

Таким образом, ни одно из проявлений языка не является устойчивым или неизменным – это явления, а не сущности. Но если «русский язык» изменяется медленно, то «литературный язык» и «язык литературы» довольно быстро изменяют свой объем и состав. Можно сказать так: русский язык как язык народа вечен – другие его формы исторически временны. Совсем недавно у нас не было литературного языка в национальной его форме (как языка интеллектуальной деятельности), но верно и то, что со временем его опять-таки не будет,

если в процессе развития культуры снова потребуются перейти на общение в символических формах (все к тому идет). Литературный язык изменяется в зависимости от потребностей общества – язык литературы преобразуется в зависимости от изменений в характере текстов, т. е. опосредованно, но все-таки в зависимости от изменений в самой культуре.

Все эти особенности необходимо иметь в виду, когда мы станем говорить о «разрушении русского языка», о его «падении» и прочих неприятных следствиях современной социальной жизни и некачественности нынешних «образцовых» текстов. Русский язык вечен, как вечен всякий великий язык человеческой цивилизации.

Главное значение конца XX века в отношении русского языка заключается в том, по-видимому, что завершили свое развитие основные тенденции, заданные еще старорусским языком эпохи позднего Средневековья.

Эти тенденции таковы.

Завершено формирование языковых *парадигм*, и следовательно *системность* языковой структуры оказалась наивысшей за всю историю русского языка; именные и глагольные парадигмы в соответствии с категориальным их содержанием четко отделены от внепарадигменных слов, которые оказываются на периферии семантической и синтаксической системы; четкие корреляции согласных и гласных позволяют выделять иерархически организованные цепочки словоформ, и т. д.

Категориальные сущности, воплощаемые в языке, также развились до предельной степени семантической цельности и определенности (в том числе и новые для русского языка самостоятельные категории числа, вида, залога и пр.); они окончательно выделены из синтагматики дискурса и кристаллизовались в мыслимо абстрактных грамматических классах слов.

Дошло до предела развитие содержательных форм слова: наряду с исконно образным значением («внутренняя форма») и полученным в результате христианизации символическим в словесном знаке выработано и освоено понятийное значение, вокруг которого и стал формироваться современный литературный язык; в частности, проблема полисемии, заданная средневековой традицией семантического синкретизма, доходит до почти полного «распадения многозначности» (отмечено еще А. А. Потебней) с развитием терминологической однозначности, необходимой для логических операций (отсюда повышение роли «одномерных» иностранных слов, воспринимаемых как термины: *любовь* – это секс).

Стилевая филиация наличных языковых средств достигла высшей степени совершенства и гибкости – вплоть до того, что на этом умственном пиршестве наша ленивая мысль все чаще стремится успокоиться на стилистически нейтральном газетном штампе, несущем «голую информацию» вне всякого стиля (журналистский словесный стеб не принимаем во внимание, поскольку это явление иной «культуры»).

Обозначилось четкое противостояние между системой и нормой: поскольку система языка в своем совершенстве отточена, норма становится излишней, ведь долгое время она всего лишь «представляла» собою *идеальную систему*, о которой еще не сложилось полного представления.

Уже сказано, что ориентация на символ как основную содержательную форму слова сменилась обращением к логически безупречному гиперониму.

Все яснее осознается противоречие между текстом и языком, а также между различными уровнями языковой отвлеченности; например, грамматический и лексический уровни в аналитических процедурах конкретного исследования предстают как гипо-гиперонимические (чисто логические на метонимической основе) отношения (грамматический вид – как все более дробные аспекты и способы действия, хотя в действительности, объективно, кристаллизация грамматического вида достигла высшей степени завершенности).

Сказанным определяются затруднения современной лингвистики как науки: язык достиг некой завершенности, однако новые задачи, которые он тем самым ставит перед исследователем, еще не сформулированы и потому не находят верного решения. Мы продолжаем относиться к исследованию языка аналитически, дробя объект изучения; задача, напротив, состоит в необходимости перейти к синтезу в теоретическом и практическом изучении языка. В известной мере контрабандно это осуществляется в рамках лингвокультурологии или в когнитивной лингвистике, но законченной теории, равно как и научного аппарата, эти направления еще не выработали.

То, что открыто современной лингвистикой (например, система языка, функция и стиль, многие положения структурной лингвистики) – не наша заслуга. Последовательное развитие системы языка («русский язык» в первой своей ипостаси) само по себе подвело нас к этим фундаментальным открытиям, подготовленным поколениями предшественников. То же желательно провидеть и на будущее: следует определить смысл происходящих в языке изменений, чтобы составить эквивалентную реальности и объективную программу дальнейших исследований. В этом долг языковеда перед будущим.

Завершенность тенденций в развитии системы языка подводит к системному восприятию языка также и на уровне рефлексии о языке, и более – вообще к системному восприятию действительности. Еще в конце прошлого века русские мыслители под системой понимали только систему взглядов, мнений или суждений о действительности, а сегодня мы говорим о реально объективной, существующей вне сознания системе языка. Налицо то самое развитие от идеи к вещи, о которой уже шла речь в контексте русского реализма.

Идея «породила» вещь – или же феноменологически точный подход к сущности языка (его идее) привел к экспликации самого языка? Ответ на вопрос выходит за рамки суждений лингвиста, поскольку это вопрос философский.

Историку языка ясно, что некоторые особенности современной речи можно понимать как потенции будущего изменения объекта. К числу таковых отнесем следующие особенности речевой деятельности.

Сущность языка определяет необходимость преобразований: чтобы сохраниться как средство мышления и общения, язык неизбежно должен принимать различные формы, видоизменяясь во времени. Чтобы существовать – он должен изменяться. Чтобы сохранять практическую полезность – он постоянно должен избирать единственно нужный и верный вариант, представленный как воплощение нормы. Чтобы сохранять красоту своих форм – он обязан умело пользоваться обилием вариантов, к каждому данному моменту накопленных в образцовых текстах.

Теперь мы перешли к признакам философской категории «благо»: истина, красота, польза (добро). Символически понятна их связь с теми проявлениями языка, о которых уже шла речь:

система языка (то, что правильно) есть *истина* – изменяется;

стиль речи (то, что красиво) есть *красота* – сменяется;

норма текста (то, что нужно) есть *польза* – заменяется.

В совместном их действии, независимо от интенсивности или последовательности преобразований (о чем пойдет речь), они образуют изменение того, что Д. С. Лихачев назвал «стилем жизни». Изменение *стиля жизни* диктует изменения в стиле речи, что отзывается на изменениях норм литературной речи и косвенно отражается на самом языке. Соотношение стиля и нормы также понятно: стиль разъединяет в аналитичности вариантов – норма соединяет в синкретичности инварианта.

Необходимо ввести понятия «точка зрения» и «точка отсчета».

Точка зрения определяется предметным полем описания: интересуется ли исследователя русский язык, русский литературный язык или язык русской литературы. Все термины, поня-

тия и определения каждой точки зрения должны коррелировать в процессе описания материала.

Точка отсчета определяет исходный момент развития того или иного предметного поля. Принято говорить, что «Пушкин – создатель русского литературного языка», или что «Ломоносов – создатель теории трех стилей», и т. п. Здесь наблюдается явное смешение понятий, основанное на типичном для логического мышления метонимическом переносе, смешении разных ипостасей русского языка как категории национальной культуры. Было бы точнее обсуждать эту проблему в следующем соотношении ценностей.

В экспликации сущностных категорий русского языка важны усилия трех выдающихся личностей. Их эмпирическая работа на принципе контраста позволила сформулировать основополагающие принципы самого языка.

М. В. Ломоносов осознал принцип, согласно которому в создаваемом творческой волей тексте происходит формирование стилистически важных средств художественной речи, и установил правила их отбора в соответствии с потребностями и вкусами своего времени. Тем самым он эксплицировал идею *системности* (т. е., собственно, языка), явленную в системе трех *стилей*, поскольку до него стили воспринимались как независимые друг от друга, параллельно развивавшиеся в границах каждый своего *жанра*.

А. С. Пушкин интуитивно использовал идею системности («цельности») языка, представив систему как инвариант стилей; функциональные *стили* речи он обработал, превратив их в художественный стиль, который, в свою очередь, стал основой для выработки и закрепления «правильных» форм, структур и смыслов, и тем самым развивал идею *нормы*.

А. Х. Востоков оттолкнулся от результатов этой практической работы над словом в творческом тексте и в своей «Русской грамматике», основанной на «языке Пушкина», эксплицировал идею *нормы* как стабильного инварианта системы стилей, данного в реальности литературного, т. е. образцового текста.

Открытие (выявление в рефлексии) системы – стиля – нормы и фиксация этих сущностей происходило именно в такой последовательности, а поскольку качество исполнения требовало особого дара, то и соответствующие синтезы произведены были: сначала естествоиспытателем и поэтом в одном лице (Ломоносов), затем поэтом и мыслителем (Пушкин), наконец, филологом и поэтом (Востоков). Каждый из них был поэтом, и притом прекрасным поэтом, чувствовавшим природу слова-Слова, но одновременно и исследователем: от химика до филолога. Значение Пушкина тут является определяющим, поскольку, как у всякого «среднего члена оппозиции», только у него находим мы органическое единство всех возможных проявлений языка и притом во всех стилях (функциях). В этом и состоит творческий подвиг поэта. Почерпнув из сокровищницы народного *языка*, он реформировал *стиль* речи и тем самым оказал мощное влияние на нормы *речевой деятельности*: на реальность системы языка, на действительность стиля и на реальную действительность нормы. Преобразуя структурные основания не организованного еще в норму языка и тонко используя глубоко ментальные его особенности, Пушкин нескольким поколениям людей дал прекрасный инструмент для интеллектуальной и художественной деятельности.

Таким образом, точкой отсчета при изучении современного языка является теория Ломоносова, точкой отсчета при изучении языка литературы – практика Пушкина, точкой отсчета в нормировании современного литературного языка несомненно является «Русская грамматика» Востокова.

На протяжении XIX века сложился, в классическом своем виде, литературный русский язык, который можно определить следующим образом:

Литературный язык есть функция от национального языка; функция определяется нормой, которая предстает как выбор инварианта среди стилистических форм на основе нейтральности стиля.

Процесс формирования литературного языка на национальной основе выявил конститутивное его содержание:

– Постоянно изменяются социальные основы литературного языка; это не территориальные, не групповые, не специально жаргонные и никакие иные «языки» *общения*, но глубоко национальный язык, который, кроме коммуникативной, способен выполнять и другие функции, прежде всего *ментально-речемышлительную*.

– Изменяется также материальная основа существования литературного языка: образцовым текстом становится не только художественный или деловой, как прежде, но и научный, теперь – публицистический и т. п. Изменяется соотношение (по степени влиятельности) между типами устной и письменной речи.

– Изменяются и семиотические основы литературного языка, в частности на уровне точек зрения, отношения к прагматическим установкам дискурса и текста; все больше внимания уделяется конкретной личности, которая сама выбирает удобную для нее и ценную ею форму выражения. Когда справочник по орфоэпии дает рекомендацию произносить [д'эрзат'], но [з'ит'ок] с «екающим» и «икающим» произношением в одинаковой фонетической позиции (*держать, зятек*), мы присутствуем при рассыпании нормы в угоду новому стилю (высокий стиль в первом случае и средний – во втором).

В настоящее время происходят многочисленные процессы преобразования стиля и функции. Система языка сжимается и упрощается, становится структурно простой, тогда как функции ее единиц расширяются. Происходит явное развитие привативных оппозиций, что обозначено в желании лингвистов оппозиции вообще всякие, свойственные системе языка, свести только к дихотомически привативным. В языке происходит рост аналитизма (а это результат фиксации логических структур в чистом виде), увеличивается употребление нулевой флексии (принцип системности основан на наличии нулевого признака или элемента); развивается собирательность именных форм (они непосредственно выражают понятие); происходит сокращение конкурирующих синтаксических функций и одновременно упрощаются типы сложных предложений; разрушаются, сводятся к ограниченному их числу акцентные парадигмы (теперь они не обслуживают отдельные слова, а как бы сопровождают самостоятельные грамматические категории, например разграничивают полупарадигмы единственного и множественного числа одного и того же имени, то есть идею и вещь обозначают по отдельности: *дух – ду́хи и духи́*), и т. д.

И только в пространстве большого времени мы можем углядеть наметившиеся изменения и ответить на вызов языка.

Функция и норма в литературном языке

Определяя предмет изучения и объект исследования литературного языка, мы неизбежно останавливаемся перед необходимостью установить, что такое «литературный язык». К сожалению, языческие представления мифологического сознания настолько живучи еще в отрасли современной лингвистики, называющей себя теоретической, что одно лишь наличие термина признается там достаточным основанием для признания реальности «вещи», которую этот термин обозначает. Между тем простой историко-предметный разбор понятия «литературный язык» показывает, что за ним не кроется никакого реального содержания в смысле предметности.

В самом деле, внутреннюю форму определения мы принимаем за внутренний смысл понятия, которое, таким образом, предстает перед нами наполненным собственным содержанием и располагающим соответствующим объемом вещного мира – литературный язык как существующий отдельно от народного, национального, реально действующего языка. Между тем термин «литературный язык» по своему происхождению оказывается связанным просто с понятием «литература», а в этимологическом его определении – основанным на «литере», т. е. на букве: письменный. Таким образом, и основными признаками «литературного языка» как «реальности» почитаются следующие: это язык письменный по преимуществу, и по этой причине «обработанный мастерами» стандарт. Все остальные признаки «литературного языка» вытекают из этого абстрактного определения и потому кажутся нам неотразимо логичными и безусловно понятными. Отсюда и многообразные термины, многослойным пирогом наложившиеся на предмет изучения, представляют собою, собственно, только попытку выйти из порочного круга формальной логики: признаки понятия почитать за признаки несуществующего объекта, а объект определять через те же признаки понятия. «Литературный» – «нелитературный», «письменный» – «устный», «народный» – «культурный» (даже «культовый», в последнем случае вообще много синонимов), «обработанный» – «необработанный», а также многозначные и потому неопределенные по значению «система», «норма», «функция», «стиль» и др. как различные способы номинации божества, созданного в известный момент из самых абстрактных признаков, в процессе конкретного изучения языкового материала, отвлеченных от самого объекта. Чем больше таких определений (которые, по видимости, «уточняют» наше представление об объекте), тем больше опустошается и понятие «литературный язык»: введение каждого последующего из них настолько увеличивает содержание понятия, что, по определению, сводит его объем до пределов ничтожности.

Теоретическое языкознание создает свои мифы на логических основаниях и потому совершает логические ошибки. Проблема «литературного языка», несомненно, историческая проблема, поскольку и категория «литературный язык» – конкретная историческая категория. Литературного языка как такового когда-то (и притом сравнительно недавно) не было – и литературного языка в скором времени также не будет, поскольку в принципе не станет других форм коллективного общения на родном языке. Это ли не доказательство его исторической предельности? Если вообще решать вопрос с позиций развития и диалектики, мы должны рассмотреть проблему «литературного языка» в исторической перспективе, и притом по возможности в полном объеме, в совокупности всесторонних связей его с другими языковыми «объемами», и определить его признаки в становлении, в стабилизации, стараясь понять сущность этого явления в принципах его конкретной деятельности.

Социолингвистический подход к истории литературного русского языка показывает (Успенский, 1983), что основным содержанием этого процесса является постоянное расширение социальной, материальной и стилистической сфер литературного языка, так что, заро-

дившись как важное приобретение культуры в эпоху раннего Средневековья, первоначально социально ограниченным действием, литературный язык последовательно увеличивал пределы своего использования.

Поскольку социальной основой литературного языка являются не территориальные, а групповые диалекты, в соответствии с изменяющимися условиями общественной жизни (и особенно в эпохи важных социальных преобразований) в построении и использовании литературного языка постоянно расширяется круг «участников» «литературного клуба». Основной социальной группой в каждую данную эпоху был класс, наиболее заинтересованный в центростремительных тенденциях государственного строительства, и каждый раз вкус и творческие потенции именно этого класса создавали специфическую, свойственную только данному историческому периоду, «литературную среду». В наше время распространение литературного языка достигло таких широких пределов, что по существу у нас и остался один «литературный язык», и нет никакого другого. В современной социологической ситуации содержится объяснение и того факта, что категория «литературный язык» постепенно расширилась до крайних пределов своего внутреннего развития, обусловленного импульсом со стороны языковой системы. Став языком межнационального общения и «мировым языком», русский язык в буквальном смысле превратился в язык «всемирный» и в своей литературной форме потребовал нового определения.

Определения даются на основании очевидных оппозиций, в которые может вступать объект исследования. Противопоставление диалектным системам, просторечию, разным жаргонам, а в столицах – даже и другим литературным языкам (французскому, немецкому) долго создавало видимость особенности литературного русского языка. Сегодня ни в одной сфере общественной, культурной или производственной деятельности такие противоположности не возникают; не возникает, следовательно, и необходимость в определении литературного языка как языка особого – он стал общенациональным, им пользуются по возможности все.

Всегда, и чем глубже в столетия, тем острее, осознавалась маркированность литературного языка по отношению к прочим формам речи. Расширение социальной базы литературного языка постепенно приводило к «побледнению» стилистических маркировок, их устранению, сглаживанию и устранению специфических маркировок, сглаживанию специфических черт литературной речи, и сегодня литературный язык, наоборот, самая нейтральная по всем маркировкам форма национального языка. От литературной речи отсчитывают свои выразительные признаки все жаргонизмы, диалектизмы, варваризмы и пр. Зеркальным образом переменялось и соотношение между нормой и стилем: нормативным стал стилистически нейтральный элемент системы. Изменилось и наполнение литературного языка. Сегодня исследователи с полным правом говорят уже о «разговорной речи» как категории, отчасти противопоставленной литературному языку; однако в своих проявлениях и разговорная речь ориентирована на литературную норму, исходит от нее, на ней основана. В использовании разговорной речи наблюдается некое упрощение коммуникативных задач, стоящих все перед той же литературной речью; ср. так называемую «внутреннюю речь», которая представляет собою еще большее упрощение коммуникативного задания, хотя и лежит в том же ряду до бесконечности возможных упрощений все того же нормативного канона. Однако различные степени проявления общего качества нового качества все-таки не создают; следовательно, сегодня любое воспроизведение языка во всех случаях предстает или кажется одной из форм литературного языка.

До бесконечности расширилась и материальная основа современного литературного языка – массив образцовых текстов, отработанное до совершенства письмо, наличие общепринятой нормы, – все это постепенно складывалось на протяжении последних столетий. Изменение «стиля жизни» вызвало неизбежные изменения и в стилистических, и в функци-

ональных распределениях языка, увеличило меру его литературности, потому что расширение социальной базы носителей литературного языка как параллельного процесса потребовало и некоторой демократизации нормы. Начавшись как священный язык для избранных, в последовательных своих преобразованиях литературный язык дошел до современной стадии; достаточно развитый, одновременно в основе своей он демократичен: каждый может его изучить, но изучать его все-таки следует. В том именно и состоит внешний признак литературного языка, что его необходимо изучать, по мере овладения им включаясь в современный социальный и культурный процесс. Верно и обратное: если даже русский человек изучает русский язык – это язык литературный.

Расширение стилистических сфер происходило параллельно двум указанным процессам и составляло формальную сторону все того же изменения литературного языка. Исторически изменялось понятие вариативности – потому что наличие вариантов и определяет существование литературного языка: вариации представляют собою предел развития нормы как инварианта. Вариативность древнерусского литературного языка происходила в границах одного и того же текста в зависимости от содержания фрагмента и смысла описания; так, в житиях и в летописях обнаруживаем «элементы» и русского, и церковнославянского языка во всех их разновидностях, а кроме того иноязычное и диалектное – это своеобразная идеологическая вариативность, которой подчинены и языковые средства выражения. В среднерусский период в разное время вариативность наличных языковых средств определялась зависимостью от жанра, с XVIII века – зависимостью от стиля, в наше время она определяется зависимостью от функции. Так же, как и в самом начале развития литературного русского языка, выбор стилистических средств зависит от содержания высказывания, но одновременно с тем находится в зависимости от отношения к высказыванию. Пройдя все эти, вполне естественные, формы своего существования и развития во времени, вариативность как основание нормы развила и современное представление о варианте как стилистическом средстве; возникло и понятие о стиле, и (вслед за тем) наука – стилистика. На истории отечественного языкознания вообще хорошо видны основные этапы осознания тех или иных аспектов языковой системы и нормы – они всегда соответствуют определенным этапам развития самой системы языка и конденсации литературной речи.

Эти предварительные замечания, по необходимости краткие, но для специалиста ясные, нужны для того, чтобы приступить к определению понятия «литературный язык».

Единого определения «литературного языка» для всех периодов его развития быть не может, и особенно если исходить только из значения термина. Необходимо искать другие основания. Из многих существующих в науке определений наиболее приемлемым кажется определение литературного языка как функции национального языка; следовательно, литературный язык – литературная разновидность употребления русского языка (Горшков, 1983). Такое понимание литературного языка лежит в русле русской научной традиции (его выставили в свое время В.В. Виноградов, Г. О. Винокур и др.) и определяется историческим подходом к проблеме литературного языка. Оно одновременно и объясняет развитие разных сфер «культурного говорения», и оправдывает существование самого термина «литературный язык» – поскольку и на самом деле является типичной формой существования народного (национального) языка, а не речью в узком смысле слова. Исторически происходило вытеснение разговорных форм все более совершенствовавшимися «культурными» формами языка; отбор языковых форм по мере развития структуры родного языка и составляет содержание этого исторического процесса. Фонетический, морфологический, синтаксический, лексический и прочие уровни системы, развиваясь неравномерно и в зависимости один от другого, только в определенной последовательности и с разной степенью интенсивности могли поставлять материал для отбора средств национальной нормы; до завершения этого процесса некоторое время и с разным успехом в качестве своеобразных «подпорок» исполь-

зовались формы близкородственных языков или семантические кальки с развитых литературных языков (раньше всего – с греческого). Как сама культура является фактом интернациональной жизни, так и сложение национальных литературных языков является результатом интернациональных устремлений известного народа. Это хорошо подтверждается историей сложения литературных языков у современных славянских наций.

Таким образом, литературный язык – функция от национального языка, и его совершенствование определяется развитием нации. Функция же на каждом историческом отрезке развития литературного языка определяется нормой, т. е. «нормальным», в нашем случае – общерусским в проявлениях языковой структуры на данном отрезке его развития. Норма как динамический процесс есть выбор инварианта из многих вариантов, выработанных системой в ее развитии; таков, в общих чертах, механизм порождения современной для языка нормы посредством выявления на каждом уровне стилистически немаркированного «третьего лишнего» (Колесов, 1974, с. 130–137).

Примером может служить систематический «перебор» вариантов московского и петербургского произношения на рубеже XIX и XX вв. Скажем, произношение «сч» или «щ» как /ш' ш'/ или как /ш' ч'/ колебалось из-за неустановленности основного варианта в самой системе, потому что развитие старых аффрикат не завершилось до такой степени, чтобы выбор инварианта общерусской системы стал ясным. Но как только стал возможным контакт с просторечием (в котором типичным является произношение /шш/), норма путем столкновения стилистически маркированных вариантов в генетической последовательности их предъявления системой:

$$[\text{ш}'\text{ч}'] > [\text{ш}'\text{ш}'] > [\text{шш}] \text{ —}$$

останавливается на среднем, который не маркирован ни в сторону архаического (близкого к церковнославянскому), ни в сторону просторечного (близкого к диалектному).

Такое же взаимоотношение между системой языка, с одной стороны, и нормой и стилем – с другой, наблюдаем во всех спорных случаях вариантности современной нормы. Язык уже развил вариантность, но норма еще не организовалась, потому что на разных уровнях оказывалось еще недостаточное число стилистических вариантов, способных безошибочно выделить инвариант. Нормативность литературного языка не бесконечна, но она всегда определяется объективной установкой системы и правилом выбора среднего стиля, который всегда и есть норма; личный вкус и симпатии нормализатора здесь не имеют цены. Чтобы показать это, приведу известный пример.

Пушкин, Востоков и Грот одинаково считали, что формы типа *волоса, города, дома* (при наличии старых *волосы, города, дома*) – русские разговорные формы, которые в известной мере могут входить и в литературную норму. Еще для Ломоносова такая проблема не стояла, поскольку в его время отмечалось всего несколько форм типа *берега*, которые могли быть простыми остатками двойственного числа. В начале же прошлого века Пушкин ввел в образцовые тексты до 17 подобных форм, гениально почувствовав их функциональную важность, и видя в них стилистическое средство художественной речи. Востоков, перебирая все возможности русской лексики, указывает уже до 60 таких слов мужского рода, каждый раз определяя их стилистический статус, т. е. косвенно соглашаясь, что стилистический выбор еще не произвел нормативного варианта. Положение теоретика Востокова в отношении к Пушкину-практику выгоднее, поскольку, в отличие от поэта, на язык которого он и ориентировался в установлении современной нормы, Востоков оперировал не только понятиями «норма» и «стиль», но видел также и историческое движение «системы». Именно он установил и закономерность, определяющую вариативность флексий: если ударение переносится на окончание, начиная с формы именит. падежа множ. числа, то флексия – *а* возможна при наличии – *ы*; если перенесение ударения наблюдается только начиная

с формы родит. падежа множ. числа, подобное варьирование исключено. Распространение нового акцентного типа, вызвавшего противопоставление парадигмы единственного числа парадигме числа множественного, происходило в русском языке на протяжении последних двух веков, и при этом каждое слово самостоятельно, но под давлением системных отношений в языке постепенно включается в эту парадигмальную цепь, каждый раз ставя перед нормализатором особую задачу, конкретную по исполнению. Так она была поставлена и перед Гротом, который был озабочен установлением нормы на основе системы:

<i>Пушкин</i>	<i>Востоков</i>	<i>Грот</i>
во́лосы и волоса́	во́лосы	волоса́
гробы́ и гроба́	гробы́	гробы́
до́мы и дома́	до́мы и дома́	дома́
= система и стиль	= система, стиль, норма	= система и норма

Востоков отказывается в нормативности форме *волоса́*, поскольку флексия безударна даже в форме родит. падежа (*волос*, а не *волосов*), но он же допускает и стилистическое использование вариантов *домы* и *дома*, поскольку расхождение флексий сопровождается различием в акценте: *дома́*, но *до́мы*. Грот в качестве инварианта избирает «средний член» тернарной оппозиции: *во́лосы* – *волоса́* – *волосы́* (*власы́*). Неизбежность среднего, немаркированного в обе стороны члена оппозиции становится неперенным условием стабилизации нормативного варианта.

Как ни сходны по своим проявлениям «стиль» и «функция», они все-таки различаются, и притом *весьма* существенно, поскольку отражают разную точку зрения на объект. Стиль может проявляться в границах одного жанра или одной функции, это – правило выбора из многих вариантов (неважно, на каких именно основаниях), тогда как функция системна, дана как целостность уже сформированных инвариантов. Поэтому в отношении к стилю можно говорить о количестве расхождений, о том, что является высоким, что – низким применительно к каждому отдельному стилистическому варианту, а о функции так говорить нельзя. Даже то, что такое-то явление присуще (как нейтральный элемент стиля) сразу нескольким функциональным уровням, позволяет каждый раз выступать этому элементу в определенной стилистической маркировке; например, флексия – *а́* в словах мужского рода типа *катера́* в разговорном, литературном или специальном употреблении получает разную стилистическую характеристику.

Осталось добавить, что наше определение литературного языка отражает его содержание. Литературный язык – не «парадигма», а «синтагма», т. е. не парадигматическая система языка, он представлен в «текстах». В этом смысле словарь и академические грамматики, хотя они и называются словарями и грамматиками современного русского литературного языка, на самом деле излагают материал современного языка нации во всех их стилистических маркировках; иначе и невозможно представить литературную норму, которая может обозначиться лишь на фоне ненормативных ресурсов системы.

Заключая эти заметки, еще раз уточним изложенное здесь представление о «литературном языке». Объективно, как данность, подлежащая изучению, «литературный язык» есть функция национального языка, поскольку функция эта со временем становится все более целесообразной и все шире распространяется, изучает «литературный язык» каждый, кто

хочет им пользоваться. Эта функция языка – предмет изучения лингвиста, тогда как норма и стиль – две нерасторжимые стороны одного и того же – объекта исследования. Нет стиля без нормы, но и норма кристаллизуется только в туманностях стилистических вариантов. Явление литературного языка позволяет точнее осознать сущность самого языка, поскольку последовательность порождения литературной речи аналитически, во многих переходных моментах выявляет разные и различные признаки языка. Предметное поле исследования расчищается для наблюдений, а объекты исследования – стиль и норма – выделяются в процессе познания предмета.

Может быть, не очень точно, но образно взаимодействие между системой, нормой и стилем можно уподобить пчелиной семье; здесь матка – система языка, рабочие пчелы – стиль, а трутень – норма, которая важна как действующий факт, но устраняется сразу же, как только под напором системы возникают новые возможности стилистического варьирования.

Социолингвистические аспекты изменения современного русского языка

Исключительная особенность русского литературного языка заключается в его постоянном совершенствовании путем внешнего включения в систему все новых и новых, структурно чуждых поначалу, элементов. Это вызвало в нем особую силу, которую можно было бы назвать «силой выживаемости» в новых социальных условиях, и организовало тот запас прочности, который позволяет русскому литературному языку создавать все новые и новые вариации, гибко откликаясь на потребности времени.

В самом деле, та лингвистическая структура, которую мы называем современным русским литературным языком, т. е. языком общерусским, возникла в результате серии последовательных совмещений первоначально «разных языков».

Прежде всего, с конца XVI века постепенно создалась возможность сближения двух основных языковых систем восточнославянского региона. В результате объединительной политики московских князей северные и восточные русские говоры (территориально – севернорусские, новгородские, и южнорусские, низовские), до того развивавшиеся по различным направлениям и представлявшие вполне самостоятельные языковые системы, стали диалектами одного и того же языка и с этого момента развивались в центростремительном направлении. До начала XVI века северные и южные говоры русского языка различались буквально на всех уровнях языковой системы: развитие корреляции согласных по мягкости – твердости и глухости – звонкости на юге и полное отсутствие такой корреляции на севере: серия нейтрализаций в безударном вокализме на юге и полное сохранение старых позиционных отношений вокализма на севере; стабилизация ударения на севере и развитие подвижных типов на юге; разнонаправленные изменения в области морфологии (особенно в именных формах), в том числе и в некоторых категориальных отношениях (категория вида на юге развивается раньше, чем на севере); много принципиальных отличий в области словообразования и лексики; развитие синтаксических конструкций (в том числе и новых типов подчинительных связей) раньше на севере, чем на юге, и т. д. Все эти расхождения представляли собою разной степени архаизмы одной и той же в прошлом системы, поэтому совмещение их в рамках общенационального языка могло происходить при условии отработки общенациональной тенденции – она легко определялась по наиболее продвинутому в его развитии фрагментам северной или южной системы. В местах столкновения этих двух систем образовались средневеликорусские говоры, прежде всего и раньше всего – говоры столицы, которые соединили в своей системе наиболее важные и далеко зашедшие процессы развития, дав толчок еще более новым изменениям и стимулируя завершение этой общенациональной тенденции. Например, если ограничиться фактами из системы фонем: к моменту создания общенациональной тенденции корреляция согласных по мягкости – твердости охватывала в основном лишь зубные согласные, губные и заднеязычные в эту корреляцию не входили, как не входят они в эту корреляцию еще и теперь в большинстве севернорусских говоров, остановившихся на том этапе развития системы, о котором идет сейчас речь. Становление новой динамической тенденции в общерусском масштабе стимулировало завершение развития, доведение его до логического конца – что и произошло на протяжении XVIII–XIX вв. в так называемом московском койне, которое со времен А. А. Шахматова признается основной диалектной базой русского литературного языка. Категория вида до XVII века ограничивалась только некоторыми видовыми парами и обслуживалась пятью-шестью приставками, рано сгладившими собственное лексическое значение; став динамической точкой системы в момент столкновения двух не совсем эквивалентных видо-временных систем, видовая система организовалась как автономная по отношению к системе времен и

стала наполняться все новыми видовыми парами, создавая столь важную теперь грамматическую корреляцию. При этом из многих средств образования видовых оппозиций система окончательно выбрала в качестве основного приставочный способ, переводя приставки из средства словообразования в средство формообразования. Как предложные сочетания имен все больше переходят в парадигматику, так и изоморфные им приставочные глаголы все шире включаются в систему порождения новых глагольных форм. То же касается и других сторон языковой системы.

В результате совмещения разноценных, но однонаправленных по своему динамическому импульсу систем, общерусская система получила свою материальную основу (в виде разговорного койне и разных наддиалектных форм, обслуживавших словесное народное творчество) и отныне уже не могла сохраняться в качестве застывшего диалектного «языка»; вместе с тем всеобщность этого общерусского языка ставила его в один ряд с другими формами «всеобщего» языка, например с церковнославянским. Последний был общерусским по своему использованию в определенных литературных жанрах, но он не был языком устного общения.

Таким образом, на протяжении XVII века произошло второе усложнение общерусского языка: в его структуру были введены многие элементы традиционного для восточных славян и многим обязанного самому русскому языку церковнославянского книжного языка русского извода. Этот язык по своему происхождению и предшествующим этапам развития не очень отличался от русского и представлял собою еще более архаический срез все того же восточнославянского языка, чем новгородский диалект в момент совмещения его с южно-русскими говорами. Однако в лексическом и синтаксическом отношении этот книжный язык был богаче разговорного русского и более развит, тут сыграли свою роль столетия длительного совершенствования письменного языка, лексические и синтаксические заимствования из греческого – кальки, семантические смещения и т. д.

Все это привело к тому, что на протяжении XVIII века новый общерусский язык активно осваивает наследство церковнославянского языка; основные изменения этого времени – изменения в синтаксисе и лексике. Наследуемое входит в структуру русского языка не простым заимствованием, а в переработке, критическим и творческим усвоением модели на основе имеющихся в самом русском языке средств с аналогичным функциональным содержанием. Например, усвоение многочисленных подчинительных конструкций церковнославянского языка начинается в общерусском языке с отработки условных предложений, которые существовали и в русском языке, но обслуживались иными, чем в церковнославянском языке, союзами и союзными словами. В этом последовательном и весьма продолжительном процессе оттачивались грамматические средства нового языка, многие старые формы становились ненужными и устранялись (особенно дублеты, например условные союзы, которых к XVIII веку накопилось около двадцати). Даже заимствованные из других языков слова (особенно в петровское время) обслуживались не русскими, а церковнославянскими суффиксами, которые к тому времени еще не вошли в словообразовательные потенции самого общерусского языка и воспринимались как столь же чуждые, что и сами заимствованные слова.

Таким образом, на протяжении XVIII и особенно первой половины XIX века началось новое обогащение общерусского языка заимствованной лексикой, происходило усложнение его за счет новых сочетаний, калькированных с новоевропейских языков форм управления, фразеологизмов, многих семантических новаций. На этой стадии развития общерусского языка в его структуру включились еще и новые элементы, которые также способствовали развитию самого русского языка, завершали динамические тенденции общерусского развития. Если ограничиться в качестве примера только системой фонем, можно указать на то, что именно в заимствованной лексике материально проявилась корреляция заднеязычных

согласных по мягкости – твердости, ср. произношение слов *гяур, Гете, Гюго* и др., что указывает на полное завершение в развитии этого важного для структуры общерусского языка системного признака, в русских словах не фиксированного.

Каждый раз новые источники внешних воздействий на систему усиливали действие ее собственных динамических тенденций, ускоряли их развитие и кристаллизацию в словесном тексте, оформляли все усложняющиеся потребности мыслительной и речевой деятельности. В результате сложилась динамичная, открытая для новых элементов система, которая постоянно обогащается и преобразуется в связи с включением в орбиту ее действия все новых социальных и национальных коллективов. Со временем эта система оказалась способной принять на себя функцию межнационального средства общения в новых социальных условиях. Вместе с тем и параллельно развитию системы языка происходило изменение социолингвистической структуры русского языка, т. е. социальной и национальной сферы его употребления, его функциональных связей с другими языками и взаимных отношений между различными уровнями языка. Происходит перераспределение между основными единицами этих уровней (фонемой, морфемой, лексемой и т. д.) с переключением внимания каждый раз на другие единицы, воспринимаемые в качестве основных, ведущих, определяющих процессы общения (например, не слово или словоформа, а морфема и принципы организации морфемного ряда, и т. д.). Социолингвистический сдвиг структур как бы вырастает из динамики собственного системного развития языка и определяется последним.

Система языка варьируется в определенных своих видоизменениях, зависящих от сферы употребления. Об одном и том же уровне, например о морфологическом, мы можем судить в применении к традиционной норме, установившемуся узусу, обычному просторечию или социальному говору (арго). В таком случае приходится говорить уже о вариациях различных ярусов языка и о внешней динамике развития языка, возникающей в результате противоречия между разными вариантами возможного произношения, говорения или использования слов общего языка. Это социолингвистический аспект лингвистического исследования, получающий все большее развитие в связи с повышением социологической емкости русского языка, усложнением не только самой системы языка, но и всей структуры его отношений. Развитие языка, по крайней мере в наше время, идет по пути усложнения структуры и упрощения системы языка; сам язык «становится проще» в связи с максимальным развитием его системности (минимальное число различительных признаков при постоянном увеличении единиц, которые этими признаками обслуживаются), но использование его «становится все сложнее» в связи с расширением социальной базы, которая им пользуется.

Совмещенные в общей системе вариации не приводят к механическому смешению их составляющих, они организуют новый уровень языка, который одну и ту же систему использует в различной функции, распределяя в разных стилях речи возникшие в результате исторического столкновения разных «языков» варианты.

Сам термин «стиль» даже в узколингвистическом смысле очень многозначен: разговорный и высокий стиль, деловой и научный стиль, и т. д. В точке пересечения структурных вариаций создаются функциональные стили, и чем богаче язык, чем разработаннее в нем внутривидовые и функциональные отношения, тем сложнее и многообразнее в нем порождение все новых «стилей речи». Последнее касается уже не лингвистики и не социолингвистики, а, скорее, есть уже компетенция психолингвистики. Здесь динамический импульс, т. е. возможность изменения как окончательный предел варьирования, создается в результате противоречия, возникающего между общепринятым и аффективным употреблением наличных языковых средств; проблема метафоры и литературного штампа, например, относится к данному кругу лингвистических проблем.

Соединяя все указанные аспекты языковой динамики, системной, социальной и стилистической, мы должны разграничивать все три уровня описания, потому что всякое описание конкретного факта требует установления своей точки изменения.

Воспользуемся для примера возможными в русском языке изменениями безударных гласных после мягких согласных. Уровень системы требует совпадения всех гласных в этой позиции в одном гласном, следовательно, только иканье соответствует системному заданию: /п'и/так (*пятак*), /п'и/тух (*нетух*) и /п'и/тух (*нутух*). Дело усложняется тем, что на функциональном уровне современный язык имеет и другие вариации, направленные на подобную нейтрализацию в одном гласном, но не завершившие ее: наряду с иканьем возможно еканье, ёканье, яканье и т. д. Давая оценку этим другим типам безударного вокализма, мы отмечаем, что ёканье ограничено территориально (хотя и является по происхождению равноценным с еканьем, развилось и сохраняется в среднерусских говорах), а иканье и еканье не ограничены территориально. Иканье – завершающий этап развития общерусской тенденции к совпадению всех безударных гласных в одном, а еканье – предшествующий ему этап, на котором сохраняются в данной позиции еще два гласных (ср. схему еканья: /п'е/так, /п'е/тух, но /п'и/тух). Социологические исследования показывают, что иканье как обычное произношение сменило еканье буквально «на наших глазах» – в 30-е и особенно в 50-е годы XX века. Таково завершение общерусской тенденции: вместо двух гласных в данной позиции теперь возможен только один. Случилось это недавно, так что не все носители русского языка используют новый принцип говорения, да и не во всех случаях иканье проводится последовательно. Так, указывается, что произношение /д'ир/жи может сосуществовать с произношением /д'ер/зять в речи одного и того же человека. Еканье как норма произношения уже полвека тому назад становится просторечным, поскольку интенсивно вытесняется иканьем. Вместе с тем в речи современного интеллигента, различающего высокий и низкий стили речи, высокое слово *держать* в произношении по-прежнему отличается от произношения разговорного и обычного в простой речи *держи*. Тем самым и еканье автоматически становится элементом высокого стиля: поскольку два прямо противоположных по функции, стилистически окрашенных элемента – высокий (традиционный) и низкий (просторечный или разговорный) смыкаются в своем общем противопоставлении к новой форме выражения (иканье), которая становится нормативной. Крайности сходятся на уровне отдельного слова или фонетической позиции, и тем самым в рассмотрение включается третий фактор – стилистический. Можно сказать, что один и тот же факт, вроде только что изложенного, рассмотренный с разных точек зрения, требует каждый раз иного толкования. С точки зрения системы полноправен только один вариант – иканье, с точки зрения стилей – два (иканье и еканье), с точки зрения функций – по крайней мере три (если не говорить о крайностях яканья, уже никак не связанного с возможностями «грамотной речи»). В таком случае «точка изменения» каждый раз меняется, постепенно отсекая от системы все более и более архаические варианты; так, в нашем случае сначала отходит яканье, затем – ёканье, теперь на пороге уничтожения стоит и еканье.

Но точка изменения определяется точкой отсчета, с которой ведется изменение. Об этом приходится помнить, поскольку установлены разные вариации языковых единиц в пределах одного и того же общенационального языка. Так, начало современного русского литературного языка мы ведем от Пушкина. За это время екающе-ёкающий вариант произношения сменился сначала екающим, а в последнее время – икающим. Можно было бы сказать, что «язык изменился» и потому следует пересмотреть точку отсчета, связывать ее, например, с именем Чехова (эпоха стабилизации чистого еканья) или с именем какого-то современного писателя, поскольку хронологически это изменение совпадает со стабилизацией иканья. Так иногда и говорят. Однако это неверно. Взятый в целокупности всех своих функциональных сфер как общерусский язык, современный русский литературный язык вовсе не изменился за

все время, о котором идет речь. Его изменение относительно, поскольку на самом деле изменяется всего лишь взаимное соотношение ярусов языка, его функциональных сфер, почему и литературная норма изменяется не сама по себе, в связи с изменением системы языка, а в отношении к другим ярусам структуры, т. е. экстралингвистически, путем замены одной модели другою в результате изменения социальной ценности самой модели. В то же время общерусская тенденция развития языка остается динамически напряженной, она и определяет выбор все новых вариантов на общем фоне социальных вариантов. Из всех типов безударного вокализма в положении после маркированных мягких согласных иканье является самым простым и вполне надежным средством различения словоформ: оно представлено носителями языка – горожанами, оно отражает общерусскую тенденцию к полной утрате противопоставления гласных в данной позиции – таковы причины развития иканья. Для всякого человека, осваивающего разговорный русский язык, всего удобнее модель с единственным гласным в данной позиции.

Другое важное свойство современного русского языка состоит в том, что с изменением соотношений между функциональными уровнями (социальный фактор) изменяется и сам язык, его структура. Современный русский литературный язык, в частности, отличается от языка прошлых этапов развития тем, что:

1) устная форма его стала столь же авторитетной и важной, как и письменная, а это привело литературный язык в функциональное столкновение с разговорным языком;

2) в связи с многочисленными столкновениями подобного рода ослаблена кодифицирующая деятельность авторитетных организаций и лиц (многочисленные справочники допускают колебания и принимают варианты, иногда прямо противоречащие тенденциям развития языка); весь этот процесс специалисты по культуре речи называют «узуальным взрывом»;

3) многожанровость современной русской литературы (от высокой прозы до местной газеты со своей спецификой языкового оформления) постоянно порождает стилистические колебания и вариации и делает целесообразным их существование.

Две первые особенности нынешнего состояния русского литературного языка требуют исторического комментария.

Исторически письменная и устная формы литературного языка были разобщены, долгое время они представляли собою разные типы языка – и по происхождению, и по функции; в частности, они обслуживали и разные жанры литературы. Письменная форма ближе к церковнославянской книжной традиции и в своей орфографии, которая сложилась лишь к середине XVIII века, сохраняет более архаические особенности русского языка, нежели его устная форма, сложившаяся на сто лет позже. В середине XX века обе формы стремятся к совпадению, причем усреднение вариантов идет по линии выбора наиболее целесообразного – из устной или письменной формы. Так, в выражении наиболее важных флексий и вообще грамматических частей слова язык ориентирован на письменную норму, чем достигается единство выражения одной и той же флексии и упрощение системы обозначений. Например, различные варианты произношения возвратной частицы – *сь*, окончания глаголов и прилагательных ориентированы на письменный их вариант: *собирала/с'/* при написании *собиралась* на месте старого произношения (стандарт) *собирала/с/* (хотя возможно было и произношение *собирали/с'/* в положении после переднего гласного); *горь/к'ий/*, а не старое произношение *горь/кай/* при написании *горький*, и т. д. Наоборот, все (или большинство) упрощения в середине морфем идут по линии устной нормы (речи) – и особенно это относится к упрощениям в произношении безударных гласных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.